

Н. В. Шляхтина

Город Кузнецк в воспоминаниях его жителей

Рукопись воспоминаний Клавдии Ивановны Максимовой получена нами в июле 2001 г. от прот. Александра Долгушева в с. Каменка Воронежской обл. Текст был написан рукой автора в 12-листовой тетради в клетку по просьбе о. Александра. В настоящей публикации мы сохраняем орфографию К.И. Максимовой и ее собственное название рукописи. В свою очередь сам прот. Александр много

рассказывал о своих детских впечатлениях, событиях и людях родного города. Его рассказы, собранные и записанные нами на диктофон в 1999 и 2000 гг., также вошли в публикацию «Город Кузнецк в воспоминаниях его жителей». В беседах с о. Александром принимал участие наш коллега, покойный ныне С.В. Кузнецов. В публикации речь идет главным образом о церковной жизни города в XX в.

«Клавдия Ив. Максимова вспоминает молодым людям, какой был наш Город Кузнецк в старое время при жизни моей»

Мое день рождения 1907 г.

В Городе Кузнецке было восемь церквей православных, Две старообрядческих, Две татарские мечети, и одна поморская. Первая православная Собор, он стоял, где сейчас большая гостиница, в соборе было четыре престола, главный престол в честь Покрова Б.М., второй Первый Спас, третий в честь Успенья Б.М. и наверху в честь Сретения Господня. При церкви были школа, у церкви стояла часовня в честь Божьей Матери Взыскание погибших. В соборе колокол был большой на 1000 пудов, когда было нужно звонить, пять мужчин раскачивали язык колокола, звонили и ночью зимой в мятель, чтоб на лошадях не заплутаться в поле, тогда машин еще не было, и ехали на звон колокола. Ко всенощной в четыре часа начинали звонить в старообрядческой церкви. А в пять часов вечера начинали звонить в соборе, и тут же во всех православных церквях, слух был радостным даже волосы дыбом становились, я слушала с умилением. Собор стоял где сейчас большая гостиница. К литургии приводили школьников, из приюта детей, а из гимназии часто пели взрослые девушки гимназистки, а мальчики стояли на клиросе и пели, и в алтаре которые прислуживали, на клиросе не

разрешалось стоять женскому полу, пели одни мужчины. Потом по пожже меня ввели старички первую пяти лет, потому, что я у клироса всегда стояла и пела, и стали вставать женщины и девушки, потому, что мужчины старья умирали, а молодые боялись и к церкви подойти (от власти был запрет) детей не разрешали вводить в церковь, мы ходили тоже украдкой всего боялись.

Вторая церковь Троицкая трех престольная, первый престол св. Троице, второй престол Рождество Богородице, третий престол Усекновение головы Иоанна Крестителя. Колокол был поменьше соборного, (но тоже красивый звон), он стоял, где сейчас электростанция, тут была в ограде школа первый, второй и третий класс, и тут же в ограде была богадельня для старых без приютных и больница для них, ухаживала за старыми сама госпожа которая построила все это. В ограде был как парк, цветы разсаживали и отдых для больных и для всех прелесть, и звон прекрасный, трезвонили по нотам много мужчин. В церквях был порядок замечательный, от порога до амвона был разослан ковер, мужчины стояли по правую сторону, а женщины по левую, а в середине широкая дорога и ковры, народ стоял чинно рядами,

тесноты не было, потому что церквей много, и каждый дом прикреплен к своей церкви, у каждого дома свой приход и свой батюшка, при смерти человека вызывали своего прихода батюшку и ночью, чтоб причастить больного ближе к смерти. В церквях порядок вели полицейские, поднимали детей ко кресту и св. причастию, я их очень боялась когда меня поднимали, я еще была мала, но все помню.

Третья церковь Вознесенская пяти престольная, первый престол в честь Вознесения Господня. Второй престол Воздвижения Животворящего креста Господня. Третий престол Рождество Иоанна Крестителя. Четвертый престол св. Иоанна Богослова и пятый престол в честь Трех Святителей Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Рядом с церковью как сейчас стоит школа. Учителя приводили учеников вышшего класса в церковь, по праздникам, они пели и молились, в каждый праздник среди недели ученики не учились, а ходили в церковь.

Четвертая церковь Никольская три престола, где сейчас больница и род дом. Первый престол в честь Николая чудотворца, Второй престол Преображение Господне, Третий престол Петра и Павла. Эта церковь новая, только построили вместо деревянной, большую каменную все в ней блестело, когда ее ломали, кирпичи большие увезли, и стали рыть вглубь, простой народ (сказать тоже неверующия), но многих задало до смерти.

Пятая церковь в честь св. Илии пророка, она стояла, где сейчас базар и торг. Тут и кладбища, а на кладбищах стояли кресты черной краской покрашены, а в середине линейка белым, от всех черных крестов было жутко, в старое время не красили разными красками сами кресты, считали за грех, оград ни одной не было. В этой Ильинской церкви колокол был не большой, но очень приятный звон.

Шестая церковь Казанская отпевание покойников. Дежурный батюшка, псаломщик и сторож, звонили при встрече каждого покойника и провожал батюшка до могилы всех, на этих кладбищах были богатые могилы или склеп назывался, или выход, туда ставили покойного, а наверху под стеклом находилась комната, в комнате иконы лампы горели день и ночь и венки, часто звали батюшку служить панихиду. На кладбищах было чисто, охранял сторож вел порядок и заказ чего закажет.

Седьмая часовня в честь муч. Параскевы, здесь была ярмарка, съезжались торговцы со всех концов и из за границы, очень много всего было. Ярмарка была всегда каждый год в десятую пятницу, она назвалась десятая ярмарка продолжалась целый месяц, приезжие заказывали бес-

Храм во имя св. муч. Параскевы Пятницы.
Г. Кузнецк. 1940–1950-е годы.
Из архива А. Дворжанского

престанно молебны в этой часовне св. мученице Параскеве, у входа алтаря был родник, а на воле у часовне большой бассейн с прозрачной и вкусной св. водой, здесь был непроходимый лес и везде роднички и трясина, у этой бассейны часто служил батюшка заказной водосвятский молебен, и св. воду выливали в бассейн, у большой бассейны были четыре кранта и четыре вверху окна или закрышки под замками. Старые люди говорили, что здесь явилась святая мученица Параскева, на ярмарке чего чего не было олады тут и там, всякие сласти и вкуснота, и вещи и одежда и все, что привозили из-за границы. Потом часовню расширили и сделали пристрой, когда все церкви сломали остались две маленьких Казанская и часовня, стали служить в часовне каждый день, и в казанской тоже.

Восьмая церковь в тюрьме в честь Б.М. служили всегда по праздникам в семь часов утра, на хорах пели тюремщики или заключенные, колокол был маленький но очень звонкий и красивый, как ее закрыли все иконы вынесли, там было явление Б.М. и слышен плачь, слышали многие и ужасались, из всех церквей иконы возили на хлебзавод, кололи и топили, пекли хлебы, а мы ели и не знали в чем дело и грешили, колокола из всех церквей перелили в пушки, книги и ноты все сожгли, из риз шили обувь и продавали.

Потом две старообрядческие церкви не знаю в честь кого, очень большие и красивые, колокол был очень звонкий говорили, что отлитый из золота, старичок перед смертью пожертвовал золота на колокол, звонили в четыре часа ко всенощной, у них кончали звонить, а у нас начинали в первом соборе, потом во всех церквях вместе звонили, слушать не наслушаешься, одна большая стояла где сейчас милиция, а другая за электростанцией.

Поморцы в доме у речки как и в церкви

Две татарские мечети на окраине города

Где седьмой магазин были кузнецы, очень большое разстояние стучали молотами слышно было во весь Город. Сначала был не кузнец, а село Нарышкино, императрица Екатерина приезжала в то время ей понравилось это селение верою в народе, и назвала в честь Кузниц. (Город Кузнецк) здесь все были ремесленники и труженики верующие. На Пасху не работали всю неделю, звонили и трезвонили во всех церквях с утра до вечера, мужчины стояли в очереди чтобы Бог привел потрезвонить, считали за счастье, а на Рождество Христово трезвонили три дня, и не работали, а потом мужчина от нечего делать ширяли в ширялки с детьми, а которые собирались и слу-

шали библию или слово божие, кто может читать, читали и проповедывали, а вина боялись (Бога) выпить три рюмки маленьких, говорили, первая от Бога, вторая от людей, а третья от беса, вот как жил народ верующий в Городе Кузнецке в старое время, жили в страхе Божиим.

Когда церкви стояли закрытыя пред поломом их, служили только часовня и Казанская, тогда на церквях день и ночь сидела какая то большая птица Орел или сова, сидела прямо на кресте и на куполе, и по ночам кричала с раскрытыми крылами, она сидела день и ночь по одиночке, то месяц на соборе, то на Вознесенской с месяц, то на Никольской с месяц, а на дальних церквях, я не знаю, на Соборе и Вознесенской я слышала и видела, когда мы певчие ходили в часовню спеваться к Пасхе, мы шли из часовни со спевки в 11 часов вечера, это было ни один раз, мы шли мимо Вознесенской и мимо Собора и видели и слышали крик птицы, даже жутко становилось ночью, потому что кричала жалобно, в то время мостов не было и мы обходили кузнечным мостом мимо церкви, народ в то время разсуждали, что это такое, что и птицы тоже переживают о церквях.

Трогательно торжественное шествие праздника Крещения Господня, мы на Иордан, из Покровского Собора в старое время

Праздник Крещения Господня был очень трогательный: шествие на Иордан, обедня начиналась в Соборе по пожже других церквей, из всех церквей встречали в Собор по одиночке со звоном иконы и народ, чтобы на Иордан всем вместе из семи церквей. Потом когда в соборе кончится обедня, выходят из Собора все, впереди идут с образами и пением тропаря праздника. Потом идет батюшка Дубровин о. Владимир с крестом на подносе, с воздетыми руками кверху, и священники из всех церквей, и какая были морозы сильная, а батюшка с голыми руками воздетыми кверху с крестом, все даже дивились его терпению, шествие было очень тихо и далеко до речки, где был вырублен на льду и наряжен красками св. Крест и прорубь, где батюшка погружал св. Крест с пением Крещенского тропаря, потом отслужили молебен, идут также тихонько с образами и народом каждый к своей церкви, встречали их с трезвоном, вот какое трогательное шествие было в старинное время. Писала регентша Клавдия Ив. Максимова, потом мы батюшку спрашивали, как вы терпели такой мороз и он говорит, вера в Бога помогает, потом он перенес мучение до смерти. Писала регентша Клавдия Ив. Максимова.

Пасхальная ночь в старое время

Пасхальная ночь была радостная, спать не полагалось, боялись греха, занимались мужички и мальчишки, наряжали церковь огнями, зажигали сало в плошках на церквях, в ограде пускали ракеты цветные, в городе жгли бочки смоляные, в память того, что при жизни и при мучении Иисуса Христа, у костра апостол Петр отрекся от Христа. Стреляли как из пушек, в воспоминание того, что жида, которых замучили и распяли Иисуса Христа на кресте, а он в третий день Воскрес из мертвых.

Вот Пасхальная ночь какая была радостная, электричества нигде не было, по городу горели фонари на каждом углу и в середине квартала, ночью караульщик ходил и стучал палками, это каждую ночь.

Кузнецкие похороны [направлялись] по городу, в Собор на отпевание, знатных и богатых людей, медленным шагом с пением в старое время. Впереди идут с крестом и двумя иконами потом крышка в цветах и венки, потом хор певчих. Священникам навстречу везде выносили стол, хлеб, соль и поминание. Священники служили везде панихиды, потом катафалка с гробом во всем белом — тюле и цветах, по бокам гроба подсвечники несут, катафалку везут только тройка лошадей в белых покрывалах и два кучера ведут лошадей в белых халатах и в белых перчатках, музыка играла печально, певчие пели печально по очереди то певчий то музыка, звонили в Соборе по мертвому печально, встречали покойного. После отпевания идут тихо на кладбище, у каждого богатого был склеп под землей выход, туда клали покойного, а сверху под стеклом комната, там иконы, лампы день и ночь горели, стояли венки из дорогого изделия, родные навещали часто и приглашали батюшку служить панихиду.

Еще вспоминаю церкви ломали, иконы возили на хлебзавод, иконами топили печи, пекли хлебы для города, — а мы ели хлеб. Вот случай когда рабочий хлебзавода был послан за иконами. Мне рассказывала его тетка, я говорит, стал брать Николая чудотворца, а он на меня так взглянул пронзительно, что я устрасился, я положил его вниз на телегу и покрыл рогожей, а сверху наложил других икон, увез их на хлебзавод, а его под рогожей привез домой спрятал в дрова, и трясся как бы не узнали много лет он был у меня в дровах. Потом когда утихло, я привез Николая чудотворца к тетке-старушке, и какая она хоро-

шая кипарисовая тяжелая, временами от нее был чудный запах и благоухание, когда тетка умерла, то говорят, что взяли ее в деревню.

Вспоминая детские годы

**Рассказ прот. Александра Долгушева,
настоятеля храмов Казанской Божьей Матери и
святой мученицы Параскевы Пятницы
в с. Каменка Воронежской обл.**

Святыни и святыя места Кузнецка

Параскевинская церковь возникла на месте явления иконы святой Параскевы и истекшего там источника. Источник цел до сих пор. Обильно течет. Он под алтарем, там, где амвон, перед Царскими вратами. Прежде там был дубовый сруб, была дверь. Спускались туда. Сруб восьмигранником. Только мужчины, верующие прихожане, сняв обувь, могли спускаться, а батюшка служил молебен. Не помню, на босу ногу или как. Накануне праздника мужчины шли туда с ножами-косарями и мыли, очищали стены. Раз в год это было. Вода из источника уходила за церковь, и там раньше был бассейн и для купания, и для освящения крещенской воды. После 1905 г., когда был издан манифест о веротерпимости, старообрядцам тоже позволили в определенные часы приходить набирать святую воду. А в городе было большое количество старообрядцев — и поповцев, и беспоповцев. Самая красивая церковь у них была — настоящий каменный цветок — Никольская. Была еще одна — Крестовоздвиженская. И батюшки-старообрядцы тоже приходили в положенные часы к параскевинскому источнику, служили, молились. Купцы-старообрядцы очень любили это место.

Явление иконы святой Параскевы, как говорит предание, произошло в XVIII в. Девочки, возвращавшиеся из леса, увидели свет, как от прожектора, и решили посмотреть, откуда исходит свет, и видят: плавает икона и от нее — свет. Они хотели взять икону, но она не далась, а стала ходить вглубь воды. Икона была большая, киотная. Сказали соборным священникам, те пришли на это место с иконами, с хоругвями и стали служить молебен Параскеве Пятнице. Икона была житийная, старинного письма. Существует увезенное в Петербург описание этого явления. Икону несколько раз приносили в городской собор: принесут, а она исчезает. И тогда поняли, что святой Параскеве угодно находится на месте явления. Построили

¹ Ярмарка, устраиваемая в десятое воскресенье по Пасхе. — Примеч. ред.

Новый храм, на месте разрушенного во имя св. муч. Параскевы Пятницы.
Г. Кузнецк.
Из архива А. Дворжанского

сначала часовню, позже пристроили алтарь и стали служить литургии. Рядом с храмом проходила десятая ярмарка¹. Заказывали купцы в это время молебн, жертвовали иконы в богатых серебряных ризах. А в двадцатом веке, незадолго до закрытия, храм перестроили. Сделали трапезную, колокольню, в результате появился пятикупольный храм. Церковь эта находилась под горкой, вокруг нее стояли мощные вековые деревья. Когда во всех источниках в городе иссякала вода, здесь все равно оставалась. Мордва и чуваша очень почитали это место. Шли в лаптях сюда пешком за 100 и более километров из Симбирской губернии. В национальной своей холщовой одежде, в приподнятом молитвенном духе. Приходят, старые лапти снимают, ноги моют святой водой в святом источнике и одевают новые лапти, только после этого заходят в храм. Ходили они группками. Это что-то особое. Поют стихи, красиво. Чуваша на своем языке (очень мягком), мордва на своем, а обратно возвращались все вместе. Все с миром, такие радостные, даже светятся лица у них. Единение духа.

Чудотворная икона Николая Чудотворца была написана на Афоне. О ней целая история. Матушка одна записывала. Она появилась здесь в начале XX в., с Афона привезли. Морем до Одессы, а потом по железной дороге. На вокзале ее весь люд встречал, тогда была чума. Там, где церковь Казанская, было чумное кладбище, а так там не хоронили, просто был пустырь. У иконы были кованые ручки, одна из них сохранилась. Икону поднимали за ручки и ходили с ней по

городу. И когда стали разрушать храмы (у нас, знаете, кругом Кузнецка лес), то приказали со всех церквей свозить иконы и ими топить на хлебзаводе печи. И вот одну из этих икон (святителя Николая) возница «приметил, раз посмотрел, другой раз посмотрел, а он (святой) так строго на меня смотрит, что я не смог отдать ее, прикрыл рогожкой, а те иконы сгрузил и вывез». Хотя, как пишет жена, матушка Клавдия, «это было сопряжено с тем, что могли расстрелять». И привез он эту икону своей тетке (черничке) и оставил у нее. И вот эта тетюшка, когда мы уже стали вос-

становливать там, в Кузнецке, храмы и передала ее нам. Из открытых там Казанская одна осталась. Все храмы закрыли, в том числе старообрядческие. Несколько таких икон из закрытых кузнецких храмов матушки-монахини потом мне передали и наказали: «Попросите икону у бабушки Агафьи». А та уже старенькая была, а икону все не отдавала: «Нет, нет, я не могу, она уже сколько лет со мною, до войны, в 1930-х годах принесла ее еще, не могу, девки, отдать, пусть батюшка не обижается».

И только они вышли от нее, глядь, старушка следом бежит. Грязь как раз была, бежит на босу ногу в калошах: «Девки, вернитесь, вернитесь, заберите. Посмотрела я икону, а он — лик — такой темный стал да сердитый, я и перепугалась. Идите и заберите. Святитель Никола, прости».

Есть у нас в нынешнем храме и от старообрядцев иконы. Но много здесь уже в Каменке украли из Пятницкой церкви. Сохранилась икона «Никола в житии» от одной монахини из купеческих дочерей. Умирая, она передала ее нам в Каменку: «Отдайте отцу Александру, он это любит, он с этим связан, мы его знаем с детства».

Храм в с. Анненково, в стороне от Кузнецка, был очень красив. Там в церкви было много итальянской живописи, скульптур, помещик князь Анненков это любил. И все эти украшения делал один итальянский мастер, которого, как говорят, князь выкупил из каторжников, когда того отправили в ссылку за Урал. Он руководил всеми строительными работами. Я еще помню,

что на итальянском языке была написана надгробная плита на его могиле. Сион стоял полностью, теперь уже только часть от него осталась. Три раза церковь грабили воры. Все иконы в золотых и серебряных ризах забрали, и ничто сюда больше не вернулось. У Владимирской иконы Божьей Матери только ризу оставили, а саму икону выдрали из киота и унесли. Иконостас в храме был вырезан в стиле барокко.

Там были святые места. Там были явления Божьей Матери Смоленской, в Смоленском овраге, в лесу. Туда тоже собирались люди, молились. Ночью молились. В лесу, от стороне от Кузнецка. В 1951—1952 гг. я видел молящихся, а само явление было в старые времена. Там часовенка была и родник. Икону приносили из села в день Смоленской Божьей Матери.

У нас в каменском храме недавно чудеса были. У меня соседка уезжала и оставила мне староверческую икону — Образ Нерукотворного Спаса, старинный, который шел у них по поколениям. Темная. «Нам хранить ее будет трудно. Возьмите. Вы знали и бабушку, и маму нашу. Пусть будет на память». На праздник принес я ее в храм. На второй день Успения я вышел служить молебен к плащанице. Смотрю, а весь образ как окропленный — вар не вар и масло не масло. «Сергий, — говорю я алтарнику, — ничем не облили?». «Нет». Я взял платочек и отошел в алтарь брать Евангелие, а потом уехал. А когда

вернулся, смотрю: пятна уже объединяются и струйкой миро стекает вниз. И так продолжалось это недели три. Икона находилась в алтаре. Когда мироточение закончилось, икона выглядела так, как будто она была пропитана чем-то масляным. И все это оцениваю как Божье благоволение.

Хорошо помню свое впечатление от посещения старообрядческого храма в Кузнецке. Весь иконостас был в серебряных ризах и драгоценных камнях. Как только зажгут лампы на паникадилах, все начинает переливаться глубоким таинственным светом. Поражали их обвитые «виноградом» огромные подсвечники, старинные иконы. Все это приковывало внимание даже подростка. Благолепие церковное выражает могущество Самого Творца. Это проявление человеческой любви и благодарности Богу за Его милости нам. Бог в украшениях не нуждается, они нужны нам, людям. Человек видит перед собой прекрасное и сам становится прекрасным. От совершенного пения, благодати богослужения и сам становится благородным душой и совершенным.

Ссылные монахини

Здесь, в Кузнецке, жило много ссыльных монахинь из разоренных женских монастырей. Была такая образованная, из высокородных, монахиня Иоасафа. Она была близка владыке Михаилу (Чубу), который очень ценил ее духовность и образованность. Сама была она из княжеского

Храм во имя Казанской иконы Божией Матери в Анненково (1743 г.).
Современное состояние.
Фото А. Дворжанского

Детали храма во имя Казанской иконы Божией Матери в Анненково.
Современное фото А. Дворжанского

рода, но фамилии своей не называла и даже перед кончиной не открыла свое настоящее имя. А жила она под вымышленным именем Марины Викторовны Колбасевой. Владыке она помогала подбирать литературу. У нас с ней были очень хорошие отношения, и я ее любил и ценил, и она меня любила. Уже когда я вырос, мы переписывались, и я храню эти письма, написанные красивым, мелким, благородным подчерком. Но что удивительно, она никогда не терпела панибратского отношения к себе, помню, как-то начал я себя вести чуть попроще по отношению к ней, так она мне сразу сделала выговор: «Ты знай, с кем ты сидишь, с кем разговариваешь». Я, признаться, обиделся на нее тогда. А сколько клеветы пришлось вынести владыке Михаилу из-за нее, какую грязь только не лили на него в советских газетах, когда он был в Смоленске на кафедре. Она так рассказывала мне о своем происхождении: «Папа у меня был при Дворе и когда назрел переворот, он сказал нам с мамой: „Вот вам деньги и паспорта, уезжайте как можно скорее и дальше“. Мы тут же уехали в Киев. Помню, что в Златоверховом монастыре в куполе обновился лик Спасителя, и много людей шло туда на поклонение. Мы с мамой пристроились в монастыре и писали записки».

Был у матушки в Тамбове свой домик. Жила она там и при епископе Луке (Войно-Ясенецком),

он ей говорил, что очень любит Тамбов и очень хочет сюда вернуться и здесь окончить свое служение. Так Господь и дал. Он возвратился в Тамбов перед смертью, пожил там перед смертью, умер здесь и был погребен на Петропавловском кладбище. Матушка Иоасафа к этому времени скончалась тоже в Тамбове.

Еще в Кузнецке жила такая Ольга Николаевна, кажется. Она тоже была из великих, хорошо знала языки, помогала мне с английским. В школе меня так прижали с английским из-за неуспеваемости, что обещали оставить на второй год. Пришел я в гости к своим матушкам-монахиням и поделился с ними своей скорбью. «Погибаю, — говорю, — из-за английского». А старшая матушка обращается тут же к Ольге Николаевне: «Оль, помоги Шурке, его мать со свету сживет за двойку». И та стала со мной заниматься, поставила мне лондонское произношение. В общем, когда меня услышала наша «усатая англичанка», то вылупила на меня глаза и сказала: «Откуда ты знаешь английский, у тебя же точное произношение, кто тебя научил?» Говорю: «Научила одна старая учительница». «А, ты по монашкам шляешься!». Но делать нечего, пять пришлось поставить. Прихожу я к матушке Ольге довольный, а она говорит в ответ на мою улыбку: «Ну что, мужичара, пять поставили?»

Позже матушка уехала отсюда к мордве в Баевку, сильно болела (у нее ноги отказали) и там скончалась. Перед смертью всё ждала меня, что-то хотела сказать, но я тогда не мог выбрать к ней.

Была в Кузнецке такая Аннушка, глухая, дочь помещика, человек очень грамотный. Еще в детстве, после купания, она оглохла. Она меня научила правильному отношению к книгам. В пору монастырской жизни отец ее много привез дочери книг из Киево-Печерской лавры. Вообще у монахинь много было древних церковных книг. От церковных книг советская власть тогда решительно избавлялась. Помню, возле Вознесенской церкви, где проходили городские базары, стоял сарай, весь набитый старыми книгами. Целые библиотеки там были: и единоверческая печать, и наша, гимназические книги. Я тогда учился в шестом классе, и нас заставляли носить часть этих книг в Дом пионеров, а потом в мукулатуру. Стараясь быть незамеченным, я перебросил две старые книги через забор в кусты и позже забрал их. До сих пор они у меня хранятся.

Аннушка окончила свой век в Кузнецке, добрые люди ее досмотрели, умерла она где-то в 1980-м году. Аннушка была странницей, власти ее не тронули, и, несмотря на свое странничество, ходила она всегда в чистом, была очень чистоплотной. Она учила меня ценить книгу: «Прежде чем взять книгу в руки, их надо помыть с мылом, а стол застелить чем-нибудь чистеньким. Вот книги, которые мне еще папа в юности подарил, я берегу их, но тебе их отдам». Псалтирь с медными застежками учила правильно открывать: «Осторожно нажми, а не просто рви застежку, когда открываешь. Нажми, чтоб она сама пошла. Застежку откроешь, потом только книгу осторожно открываешь, листы бери сверху и аккуратно переворачивай». У нее книги были в идеальной сохранности. От нее я на всю жизнь научился бережному, даже трепетному отношению к древней книге. У меня их собралось немало. Это — традиция!

В третьем классе школы я пришел к ним, они меня приблизили и сделали частью своей семьи. Учили быть духовно чутким и внимательным. Кидаю однажды камешки за ограду храма, стоя внутри нее, а матушка подошла и говорит: «В церковной ограде все принадлежит Церкви. И камень здесь должен лежать на своем месте. Не надо этого делать». Я тогда понял, что все в Церкви надо делать по благословию.

Все они жили группками, расселившись недалеко от храмов. Поленька, Марфа — при одной церкви, монахини, которых я посещал, — при

другой. У нас Аркадия, Макария, Анна, Евдокия, была еще «матушка Аркадацкая», звали как, не помню, Ольга, другая Анна-странница, Наталья-алтарница, в инокинях ходила. Матушка Евдокия из купеческого рода, немножко близорукая, подслеповатая, у нее была своя келья в Кузнецке. Когда большевики пришли в Липовский монастырь (находившийся недалеко от Радищева) разгонять монахинь, то выгнали их в чем попало, Христовым именем отправили в мир питаться. Бросили их насильно туда, откуда они ушли добровольно. Когда-то отец ей подарил серебряный самовар, и он тоже остался в обители после ее закрытия. Этот отцовский подарок, она иной раз вспоминала: «Манюшка, а ты помнишь, какой у меня в монастыре самоварчик-то был серебряный, ты из него чаек пила, помнишь, я тебя угощала? Забрали окайанные, но ничего». Она вспоминала об этом уже лет в 80, но без всякой озлобленности. У всех у них не было и тени озлобленности на власть и на их притеснителей. А все потому, что у них, у всех матушек во главу угла была поставлена христианская любовь. Во всем была полная отрешенность от мирского духа, и в то же время не было замкнутости. Бывало, и пошутят и посмеются даже. Порой вышло это ненароком, от простоты сердца.

Помню об одном случае, даже в газетах кузнецких о нем писали, осуждали «монашек». Хотя это происшествие случилось с черничками, которых монахини духовно опекали. Миряне много кругом судачили тогда об этом: «Ну что, домолились монашки, из ума повыжили, такие комики выкидывают». А история была действительно необычная. Чернички, которых я также посещал, имели обыкновение заранее, до смерти, приготавливать себе гроб. Держали они его наверху, на чердаке в сенях. Как-то раз мои чернички стали говорить о том, как хорошо было бы увидеть себя в гробу «со стороны». И придумали: надо лечь в гроб и позвать фотографа, чтобы он сделал снимок, тогда на снимке можно будет себя и увидеть. Достали эти бабки гроб, одна из них улеглась в него. Позвали фотографа, а тот был евреем. Ему решили не говорить о том, что покойная в гробу только мнимая. Пришел тот, сделал снимок, всё как положено, и спрашивает: „Два ракурса хватит?“ А черничка, лежавшая неподвижно в гробу, прикрытая саваном, вдруг возьми да ответь: «Хватит, хватит!». Фотографа как будто удар хватил, упал он без сознания. Вызвали скорую помощь и увезли его в больницу. Так эта история стала в городе притчей во языцех. Черничкам потом пеняли: «Вы хотя бы пошли прощения попросили, еврей-то он еврей, да душа

у него тоже есть». Собрались чернички и пошли в больницу навестить бедного фотографа. А он как увидел их и их узелок с передачей, схватил его и запустил им в черничек. Матушка Мария долго их потом честила за эту историю: «И додумались, а если б он помер, погубили бы человека и грехи бы его на себя взяли, что ж это вы утворили. И как такой тяжеленный гроб смогли снять, когда аналой порой не можете в церкви передвинуть». В общем, досталось им от матушки. Чернички оправдывались: «Марьюшка, прости Христа ради, бес *очмарил* нам голову».

Матушка рассказывала мне с юмором об одном колокольном мастере, как он колокол у них в монастыре поднимал. Народ православный очень усерден в старое время был к колоколам. В подъеме колокола участвовали все от мала до велика. Для подъема колокола использовали такие колеса, называвшиеся *рыскала*. Народ брался за длинные широкие рушники, и их тянули в разные стороны. А командовал подъемом мастер с завода, который выливал колокол. Так этот мастер решил пошутить над простым народом, воткнул незаметно штырь в рыскало и смотрит на то, как народ тянет, а у него ничего не получается. Красные все от натуги, некоторые даже плачут, а колокол не поднимается. Мастер начинает свою игру обличения народа в грехах: «Кайтесь, православные, это же по грехам вашим колокол не идет. Давайте на колени и молитесь усердно». Стон кругом стоит, люди каются, поклоны кладут. Мастер чуть отпустит штырь, колокол немного поднимется и опять встанет. Останутся одни ребятишки, и он отпускает штырь, колокол поднимается. Мастер кричит: «Пошел, пошел, вот что значит ангельские души, глядь, как пошел скоро». Матушки ему пеняют: «Что ж ты над народом измываешься, окаянный?» А он в ответ со смехом: «Это же праздник, и надо народу показать все свое искусство, так что, мать, не бурчи, не бурчи».

Но никогда матушки не ставили себя выше других, считали себя слугами всему миру. Одежку ли простегать надо, садятся, ночь проработают, и одеяло готово. Потом кто-нибудь принесет им муки или еще чего. Они: «Спаси Христос, ну вот, мучка есть, пироги напекем». Надо шерсть попрясть, садятся за веретено. А матушка Аркадия как старшая (она уже давно умерла, году в 1971) обязательно расспросит: «Как вы, сеструшки, живете? Бываете ли друг у друга? Бывает ли общая молитва? Храните ли терпение и единение? Господь дарует всё, и этим малым будьте довольны». Какое-то назидание даже друг другу было. Для меня все они были

идеалом святости! Цветы любили живые. Герань пахучая у них стояла: белая, розовая, красная. Начинается Крестопоклонная неделя Великого поста, они убирают крест своими цветами. За ними были традиции, устав. Клавдия Ивановна была регентша. У нее своя келья была, но она больше пребывала с моими матушками. Она тоже девушка была, замуж не выходила. К ним вдовы пристревали, бездетные, послевоенные и такое молитвенное сообщество у них получалось! Было у них чему поучиться.

А с мирскими не было такого, чтобы матушка Макария прошла по улице и не спросила проходящего мимо о здоровье. Расспросит как то, как другое, про всех в семье расспросит, и добрые пожелания от нее обязательно услышит повстречавшийся ей человек: «Кланяйтесь им (домашним), кланяйтесь, спаси их Господи!». Всех помнили, за всех молились, обо всех узнавали, нужно это им или не нужно. И главное дело, матушка помнила всех, о ком спрашивала, особенно старых людей и благодетелей монастыря из купцов. Помню, стояли в синодике купцы Сердобимцевы и первым был в списке Василий Сердобимцев. Я его и сейчас поминаю на литургии, как они мне завещали. Книжечка его у меня осталась на память, подаренная матушками. Всех поименно вспомнит, а людям отрадно, что матушка помнит их родственников. Говорит встречному: «Поминание ваше старинное у меня находится». У нее целый мешочек синодиков был. Разные книжечки там имелись, были и старинные в кожаных обложках, обложенные металлическими накладками.

Когда верующим у нас в городе нужно было приготовить поминальные обеды, то всегда звали на помощь матушек. Они пироги пекли, кутью варили, щи. Раньше на поминальный стол разносолов не ставили, как сейчас, колбасы всякой. Кутью подавали, борщ рыбный, сыту, кашу, горох, лапшу обязательно грибную с белыми грибами. Сытой у нас называлась кипяченая вода, растворенная медом. В ней варился изюм и курага, мелко порезанная. Потом варят рис и растворяют мед. Рис, как куляш такой. И подают на стол. Ее берут ложками и едят вместе со сладкими пирогами. В них начинка курага, дыни, фрукты. Квас тоже варили на поминовение, но не пьяный. Это на свадьбу варили пьяный квас, с пшеном. Каждое новое кушанье сопровождалось квасом. Три вида кваса было и подносили его в больших кружках. Для приготовления пищи на именины, свадьбы нередко приглашали черничек, которые жили укладом, похожим на монашеский образ жизни, в отдельных кельях. Создавали вокруг себя Божий

мир такой, уютный. Были они большие искусницы в рукоделиях, знали что и как приготовить. Какая-нибудь купчиха, «из бывших», могла сказать: «Я пойду на именины к обедне, астряпух попрошу черничек». Приходит она из церкви, а дома уже и пироги готовы и самовары стоят. У нас было их около 25 человек. Жили общинкой. В другой деревне существовала своя община. Во многих деревнях жили ссыльные монахини, и вокруг них группировались и чернички. Все зависело, конечно, от председателя колхоза.

Когда у нас приглашали на поминки, никогда не говорили: «Пойдемте на обед, или кушать». Было другое приглашение: «Одятем (пойдемте) Богу молиться». У нас вообще поминали так: заказывается полностью заказная обедня. Две просфоры. Из одной вынимаются частички за упокой, из другой — за здоровье. Также сорокоуст отмечается каждый день с просфорами и свечами. И на панихиде обязательно поминается новопреставленный.

Просфоры, выпеченные монахинями, матушка продавала прихожанам (10 коп. просфора тогда, в конце 1950-х, стоила), 10 коп. — свечка (теми еще деньгами). Продавала просфоры, берет поднос, на который прихожане кладут записки и не вынутые просфоры (под каждой купленной у матушки просфорой лежит записка), и несет в алтарь. Иногда матушка читает, иногда (когда есть) дьякон — на проскомидии — поминальные имена, а уж батюшка в алтаре частички вынимает. Просфоры с вынутыми из них частичками возвращаются прихожанам, и каждый берет просфору, на которой лежала его записка. Из этой просфоры и вынимались частички и поминались люди из его записки.

На буднях в церкви хор собирался из простых, а матушка управляла клиросом. Красиво пели, старинными напевами. Пение было молитвенное, за душу брало, пели, действительно, для Бога. Бывало, сидя запоят: «Изгнание Адама из Рая»:

*Сидее Адамо и над своею наготою рыдае,
плакаше*

Увы, увy мне.

О раю, к тому твоею прелестию не наслажусь,

к тому не узрю Господа Бога моего и Создателя.

В землю бо пойду от нея же и взят бысть.

Милостивы ущедри и помилуй мя падшего.

И они так выводят мелодию, как будто плачут.

Некоторые из матушек, как и было кое-где в женских монастырях принято до революции, ходили читать Псалтирь по покойникам. Приглашали тогда пожилых монахинь почитать

Псалтирь по покойнику. Но матушка Макария не ходила по людям читать Псалтирь, говорила, что это не ее послушание. Аркадия читала Псалтирь. Священникам тогда особо нельзя было ходить по домам и открыто общаться с народом, а у матушек народ спрашивал советы. Наши кузнецкие батюшки после войны только что вернулись из заключения. Отец Антоний 15 лет отсидел, отец Василий тоже большой срок отбывал. Служили они вдвоем четко, отчетливо, службы замечательные у них были. А если вопросы у прихожан какие возникали, то они их отсылали к матушкам: «Матушки все объяснят, все вам расскажут». Общение у матушек с народом было живое. Представьте себе, пойдем с матушкой Макарией на базар за виноградом или рыбой (тогда из Астрахани соленую треску привозили), так матушка непременно остановится и всем, кто поприветствует ее, ответит, поздравит с праздником и пригласит почаще в храм ходить. Напомнит человеку: «А вашему-то Николаю скоро память будет, придите, помяните». Идут, бывало, мимо места, где когда-то была церковь Никольская, обязательно остановятся и помолятся. Люди с живой памятью. Четко все помнили, все события церковные помнили наизусть.

Иногда суд правили тоже они. Обратится к ним кто-нибудь из родственников обиженных с просьбой рассудить, и одна из монахинь собирается и идет, выговаривает обидчикам «по-хорошему». Иногда и за чуб потаскает. Это им позволялось.

Были они людьми из народа. Пели псалмы, по покойнику были свои плачи. Одна поет от лица дочери, а другие припевают ей. Поют они, и всех слезы пробивают. В этих псалмах много творчества, самодельного. «Ты там, (за гробом) встретишь того-то и того-то и передай ему поклончик и скажи, как мы по нем все скучаем, пускай нас там ждет, дожидается, мы тоже туда снаряжаемся, в путь-дороженьку собираемся. И поклончик там сношеньке и деточкам, они тебя встретят голубушки. И как они обрадуются, увидев свою матушку». Это красиво. С этой обрядностью и людям было легче перенести горе.

Матушка Макария была как бы моя духовная мать, очень я был к ней привержен, всех ближе была мне, хотя и казалась строгой, но я общий язык с ней находил, до самой ее старости. Была она из крестьян, в монастырь пришла из деревни. Жила она в церковном доме, ей принадлежавшем, пока племянница не отдала ее в дом престарелых, находившийся где-то под Пензой, а дом матушкин забрала себе.

Матушка говорит: «У меня такая-то кафизма и мне ее читать. Все бросает и даже если печь

Протоиерей Александр Долгушев

топится, все равно берется за Псалтирь. Говорит мне: «Шурка, посмотри за печью, я пойду две кафизмы вычитаю». За здоровье и за упокой читала. За день у них *неугасимая Псалтирь* вычитывалась. Они распределяли кафизмы и время чтения их, поэтому и была такая необходимость все оставлять и читать Псалтирь. Были у них замечательные настенные английские часы с боем, подарок от какого-то благодетеля, наверное. Они ими дорожили, по ним сверялось время чтения Псалтири. Было у них правило утреннее, дневное, вечернее и ночное. И когда бывало днем самым некогда вычитывать: стряпают или просфоры пекут, то ставили кого-то из мирян за чтение. Я или другой кто вычитывал вслух положенные каноны или акафисты. Часто читали акафист великомученице Параскеве Пятнице, почти каждый день. Лампадки теплили в кельях. Закроют зеркала, свечи зажгут, кадила у них были ручные — кацеи — разожгут ладан. Правило справляли все вместе, собирались в храме задолго до службы и вычитывали его.

Осенью у меня возникает острая ностальгия по всем этим людям и такая жалость к тому времени. Как-то очень пусто ныне. Каждый занят

своим делом. А у тех всегда время находилось, и делали они больше нашего. И успокоить могли, и выслушать, и побеседовать. Во сне часто осенью их вижу, покойных. То поколение было преисполнено нравственностью, духовностью, вынесло все тяготы жизни. Не искали себе пропитания, а Господь их питал.

Подвижники благочестия

Возле Казанской церкви на кладбище похоронен Иван Павлович — старец наш кузнецкий. Он — мордвин по национальности. Еще в юности его отдали в монастырь. Имел он от Бога дар назидания и прозорливости, и все к нему приходило. Его сестра Евдокия просфоры пекла. Оба они были в монашеском постриге, хотя и жили в миру после закрытия монастырей. Он предсказывал, что по бревнышкам раскатают нашу Параскевинскую церковь. Ему Лоскутовы родня, из них секретарь покойного пензенского владыки Серафима.

У Ивана Павловича с сестрами был общинный строй, дом у них был разделен на кельи. Давал он назидания на основе Священного Писания, беседовал с людьми, и в этих беседах присутствовал дух наставления. Всё, что он мне сказал, всё сбылось. Я тогда, когда к нему пришел, в медицинском училище учился. Он говорил: «Придет время, все церкви откроются (и это в пору гонений!). Вы не доживете (монахиням говорит), а он (и на меня показывает) доживет. Не будет он врачом, а будет вам попом». Говорил, что «придет время, когда откроют церкви, но они не будут никому нужны».

У меня было видение или что-то вроде того. Я учился тогда в третьем, наверное, классе. Сидел, учил уроки, а бабушка что-то делала на улице. Весна была, тепло. Слышу вдруг по нашей погребнице стук: «Тук, тук, тук». Палкой. Я выбежал, стоит инокиня в черном, сумочка у нее и палочка. Предложил ей присесть на завалинку возле погребницы. «А потом, — говорю, — я вас на дорожку выведу, тогда пойдете». Она: «Мне в Губенское село, доведи меня до Губенского». Я говорю: «Матушка, у меня и уроки не сделаны». «Ничего — доведи до моста».

Я взял ее за руку и пошел побыстрее. На мой скорый шаг она говорит мне: «Я утомилась». Я ей говорю: «Вот тут есть крылечко, отдохните». И не вижу вокруг никого, кому можно было бы ее передать. Она села, раскрыла сумку. Тогда был в ходу кусковой сахар. Достала она из сумки несколько больших синих кусков и дает мне со словами: «Люби Бога», и что-то еще о священстве, теперь уже не помню.

Дошли мы с ней до моста, и дальше она пошла одна. Вижу воз спускается на мост с противоположной стороны. Я чуть прошел, оглянулся и не увидел ее, словно она с моста упала. Я дождался, пока воз съехал и поравнялся со мной. Спросил у возницы про монахиню, но тот сказал, что никого на мосту не видел.

Пришел я домой. Уроки мои были не доделаны. Но бабушка у меня была грамотный человек, и она помогла мне: подвела все старинным своим подчерком. А вернувшись со школы, я говорю ей: «Бабань! Опоздал я в школу и странно: учительница, которая была всегда строгая, на этот раз ничего не сказала».

А мне так было благодатно после той встречи, будто я не в своем уме находился. Подъезжал уже священником на то памятное место (мост уже почти разрушился), постоял там, где расстался с ней. На всю жизнь осталась эта память.

В селе Евлаши под Кузнецком подвизался один юродивый, из бывших военных. Возил все время вручную, не заводя мотор мотоцикла, и говорил: «Я еду». Жил в землянке. Там у него были иконы, там он и молился. Умер в 1985 г.

Много к моей бабушке кузнецких нищих ходило. Была среди них одна раба Божья, блаженная, девушка лет двадцати. Бабушка ей то квасу нальет, то посадит покушать. Брага, это тот же квас, но только по-другому заправленный. Бабушка им говорит: «Идемте, идемте, у меня есть свеженький, сейчас принесу. Шурка (мне), быстренько сбегай в подвал за квасом». Я спрыгну с кувшином в подвал (кувшины были такие с ручками). У нас и окрошка была. Посидят они, еще кваску попросят. Бабушка им по куску пирога выдаст. И вот эта блаженная тоже к нам ходила кваску попить. А ребята над ней смеялись, приставали, обижали ее. Как-то и я попробовал ее подразнить. А она так посмотрела на меня и отвернулась, а мне неудобно сделалось. И вот однажды я попал в историю и чуть не погиб. Затянуло меня в воронку на реке, кричу уже криком: «Господи, помилуй!» и иду ко дну. Блаженная была на берегу, и в чем была, в кофте, юбке, бросилась в воду, схватила меня за волосы и вытянула. Крутит меня на берегу и в лицо смотрит. Перекрестилась, видя, что живой. А я от страха сразу домой убежал. Потом уже стал я друзей отговаривать не вредить блаженной, говоря, что она такая смелая и умная, спасла меня. А потом умерли ее родители, приехал председатель, чтобы забрать ее в дом инвалидов. Я сидел в кустах напротив ее дома, все видел, как она плачет, и так мне ее было жалко.

Хрущевские гонения на Церковь

А в 1957—1958 гг., когда я учился в начальных классах в Анненково, у нас был батюшка старый о. Александр. Он пришел из ссылки, владыка возвратил его, и бывало один бригадир из молодых «неверяхов», как их тогда называли (один бригадир был добрый — дядя Петя — и в церкви помогал, а другой недоброго нрава), очень наседал на верующих. «Службу, — кричит, — нужно было закончить обязательно до 7 часов утра, и чтобы церковь к этому времени была уже на замке, чтобы колхозники не попадали под церковную пропаганду». А батюшка Александр, бывало, замешкается в какой-то праздничный день (на Преображение много желающих освятить яблоки или другое что), так сразу появляется этот «неверяха» и начинает кричать на всю церковь: «Эх, размолились тут длинногровые, читает и читает, никак не закончит. Хочешь опять туда, где Макар телят не пас?» А пономарь мне, мальчишке, тихо шепчет: «Шурка, скройся, скройся с глаз долой». И я тихо пробираюсь за иконостас, забираюсь в простенок и сижу там тихо, как мышь. Слышу, прихожане останавливают горлопана, а батюшка и голосу не подает, как стоял, так и стоит молча. Я про себя думаю: «Батюшку так почитают в селе, да скажи он только одно слово сейчас, и все мы бросимся ему на подмогу». А теперь-то я понимаю, что батюшка был прав, положение у него было безвыходное.

Когда церкви были закрыты, приходили к часовне в лесу, зажигали лампаду и там молились (приблизительно 1956 г.). Эти гонения в 1960-х годах прекрасно помню. У нас церковь закрывали в 1962 г., церковь Параскевы Пятницы. Раньше у нас было три храма: Казанский кладбищенский, Параскевинский храм под горою, в котором я без конца обитал, там матушки у меня были. Когда храм закрывали, мы с матушками ходили к старцу (старец Иван Павлович). Случилось так, как он сказал, церковь раскатали на бревна. Кстати, сейчас ее восстанавливают. У нас до 1960-х годов в тех церквях не служили, и там все сохранялось, их не трогали. В 1970-х годах стали разрушать, лазить. Матушки что-то спасали, что-то забирали. Помню, как закрывали наш храм, я был тогда школьником. Представители власти собрали церковное серебро: чаши, кадило, крест и завязали все в узел. А матушка одна, Феклисса, ухватила за узел и тянет к себе, а милиционер — к себе. Был такой Огурцов или Скворцов, не помню. Она ему: «Ты его что, наживал это добро, это же мирские, людские слезы?» Потом отпустила руку. А участковый поднял на нее наган: «Если будешь

шуметь, я буду стрелять». В это время подошла одна хохлушка, она за святой водой пришла и закричала: «Церковь грабить?! Сейчас я им всем голову размозжу». Забежала в храм, а они там все в шапках стоят и наганом грозят. Феклисса ей кричит: «Уйди Христа ради, а то еще в церкви на грех убийство будет». Страшное время! Все три храма кузнецких закрыли в один день. Я поехал узнать, как там у старообрядцев, оказалось, и у них закрыли храм и батюшку увели. Казанскую церковь кладбищенскую тоже поначалу закрыли, но люди хлопотали, и ее отдали.

Гонения касались всех: и старых, и молодых. Я помню, была такая у нас Таисия из старообрядческой семьи. У нас раньше проверяли в санитарных целях шею, волосы. У нее обнаружили крест литой, старинный и *гайтан каждиный*². Начали: «Что это такое? под этой грязной бечевкой могут быть и насекомые, а ну снимай». Она училась в шесть классе. Учительница подошла и сама сняла с нее крест. Все смотрели на нее, но по-разному: кто-то с жалостью, кто-то с любопытством. Я про себя молился за нее: «Господи, спаси и помоги». Она заплакала, а потом вдруг встала на парту, перекрестилась и говорит: «Ну, а вот этот крест вы с меня никогда не снимите!». Ее сразу в учительскую, там нашли и вшей и все на свете и постригли наголо. Она стала после этого в платке ходить. Ей велели снять платок, а она ни в какую. Я подошел: «Тася, да ты так не переживай, какая ты была, такая и осталась, а волосы отрастут, голова-то цела». Она: «Да обидно». Бывало, соберут с нас крестики, горсть целую, и в туалет бросят. И дети стали бояться одевать дорогие кресты. Николай Федорович у нас такой был — учитель пения в четвертой школе. Много он зла сотворил в ту пору. Перед Пасхой специально плясать заставлял на концертах. Религиозность была повышенной, и поэтому власти здесь и ставили задачу закрывать моленные дома и храмы.

Благочестивые обычаи в Кузнецке

Кузнецк — богатый историей город, его Мельников-Печерский описывал. Купеческий город и люди в нем особенные, ласковые. Принято было друг друга называть уважительно, тепло, особенно детей: «Манюшка, Шуронька», да и родителей и старших величать тоже с разными

присказками. Здесь, в Воронежской обл., народ уже поглубже, уже редко услышишь эти мягкие обороты речи. Раньше дух у народа был един. Помню, когда в 1950-е годы, наш храм в Кузнецке ремонтировали, то все трудились самозабвенно, украшали дерево: кто шелевочкой, вместе делали наличники, подрезы, подзоры. Людям это было в радость, они в этом нуждались. Нынче, увы, нет того единого духа, «что все это наше, все это нужно». Всё иссякает. Действует этот «ящик». Если раньше стремились делать добро и приучали к этому детей, то сейчас добро считается пороком. Исчезло сострадание к людям, особенно к обездоленным.

Здесь было принято на месте гибели православных ставить поклонные кресты: волки ли кого загрызли или кто-то замерз. Иногда кресты были с иконой. И каждый знал: идешь мимо — помолись за усопшую душу. Кресты не были безымянны, все помнили о том, кто лежит под каждым из них, и детей приучали молиться. Также все знали про святые источники: когда появился, с чем связан. В Алепково церковь была разобрана, остались основание и купол. А там от церкви недалеко находится источник Теряска, родник. Туда на Богоявление всегда приходил батюшка, иногда и к речке спускались и там освящали воду. А в Аблязово до 1961 г. и *иордань* делали, с хоругвями ходили старые матушки.

На похороны выносили специальные иконы выносные, медные иконы Божьей Матери (Знамения), и там еще вставлена маленькая медная икона. И был деревянный восьмиконечный крест и в нем медный старообрядческий. Их чистили и несли с покойниками. Умирает человек, идут монашки в церковь за иконами, она закрыта была. Несут иконы на платах, благоговейно. Были еще поставцы для свечей, и горели рядом с иконой свечи.

Венчание в старое время всегда было с колоколами, с бубенчиками звонкими. Иногда тройку запрягут. Хор пел, встречал, целый концерт при входе. Пели: «Гряди, гряди от Ливана невеста». Стелили ковры. Вводили жениха, потом невесту в притвор. Потом священник их спрашивал. Три раза переходили. Батюшка провожал с крестом до саней или до машины. Провожал их хор древними распевами «многолетия». Многое теперь из прошлого ушло безвозвратно.

² Ладанка, сумочка с ладаном, носимая вместе с крестом на шее. — Прим. ред.